

Гензель и Гретель

В большом лесу на опушке жил бедный дровосек со своею женою и двумя детьми: мальчишку-то звали Гензель, а девчоночку - Гретель.

У бедняка было в семье и скудно и голодно; а с той поры, как наступила большая дороговизна, у него и насущного хлеба иногда не бывало.

И вот однажды вечером лежал он в постели, раздумывая и ворочаясь с боку на бок от забот, и сказал своей жене со вздохом: "Не знаю, право, как нам и быть! Как будем мы детей питать, когда и самим-то есть нечего!" - "А знаешь ли что, муженек, - отвечала жена, - завтра ранёшенько выведем детей в самую чащу леса; там разведем им огонек и каждому дадим еще по кусочку хлеба в запас, а затем уйдем на работу и оставим их там одних. Они оттуда не найдут дороги домой, и мы от них избавимся". - "Нет, женушка, - сказал муж, - этого я не сделаю. Невмоготу мне своих деток в лесу одних оставлять - еще, пожалуй, придут дикие звери да и растерзают". - "Ох, ты, дурак, дурак! - отвечала она. - Так разве же лучше будет, как мы все четверо станемдохнуть с голода, и ты знай строгой доски для гробов".

И до тех пор его пилила, что он, наконец, согласился. "А все же жалко мне бедных деток", - говорил он, даже и согласившись с женою.

А детки-то с голоду тоже заснуть не могли и слышали все, что мачеха говорила их отцу. Гретель плакала горькими слезами и говорила Гензелю: "Пропали наши головы!" - "Полно, Гретель, - сказал Гензель, - не печалься! Я как-нибудь ухитрюсь помочь беде".

И когда отец с мачехой уснули, он поднялся с постели, надел свое платьишко, отворил дверку, да и выскользнул из дома.

Месяц светил ярко, и белые голыши, которых много валялось перед домом, блестели, словно монетки. Гензель наклонился и столько набрал их в карман своего платья, сколько влезть могло.

Потом вернулся домой и сказал сестре: "Успокойся и усни с Богом: он нас не оставит". И улегся в свою постельку.

Чуть только стало светать, еще и солнце не всходило - пришла к детям мачеха и стала их будить: "Ну, ну, подымайтесь, лентяи, пойдем в лес за дровами".

Затем она дала каждому по кусочку хлеба на обед и сказала: "Вот вам хлеб на обед, только смотрите, прежде обеда его не съешьте, ведь уж больше-то вы ничего не получите".

Гретель взяла хлеб к себе под фартук, потому что у Гензеля карман был полнехонек камней. И вот они все вместе направились в лес.

Пройдя немного, Гензель приостановился и оглянулся на дом, и потом еще и еще раз.

Отец спросил его: "Гензель, что ты там зеваешь и отстаешь? Изволь-ка прибавить шагу". - "Ах, батюшка, - сказал Гензель, - я все посматриваю на свою белую кошечку: сидит она там на крыше, словно со мною прощается".

Мачеха сказала: "Дурень! Да это вовсе и не кошечка твоя, а белая труба блестит на солнце". А Гензель и не думал смотреть на кошечку, он все только потихонечку выбрасывал на дорогу из своего кармана по камешку.

Когда они пришли в чащу леса, отец сказал: "Ну, собирайте, детки, валежник, а я разведу вам огонек, чтобы вы не озябли".

Гензель и Гретель натаскали хворосту и навалили его гора-горой. Костер запалили, и когда огонь разгорелся, мачеха сказала: "Вот, прилягте к огоньку, детки, и отдохните; а мы пойдем в лес и нарубим дров. Когда мы закончим работу, то вернемся к вам и возьмем с собою".

Гензель и Гретель сидели у огня, и когда наступил час обеда, они съели свои кусочки хлеба. А так как им слышны были удары топора, то они и подумали, что их отец где-нибудь тут же, недалеко.

А постукивал-то вовсе не топор, а простой сук, который отец подвязал к сухому дереву: его ветром раскачивало и ударяло о дерево.

Сидели они, сидели, стали у них глаза слипаться от усталости, и они крепко уснули.

Когда же они проснулись, кругом была темная ночь. Гретель стала плакать и говорить: "Как мы из лесу выйдем?" Но Гензель ее утешал: "Погоди только немножко, пока месяц взойдет, тогда уж мы найдем дорогу".

И точно, как поднялся на небе полный месяц, Гензель взял сестричку за руку и пошел, отыскивая дорогу по голышам, которые блестели, как заново отчеканенные монеты, и указывали им путь.

Всю ночь напролет шли они и на рассвете пришли-таки к отцовскому дому. Постучались они в двери, и когда мачеха отперла и увидела, кто стучался, то сказала им: "Ах вы, дрянные детишки, что вы